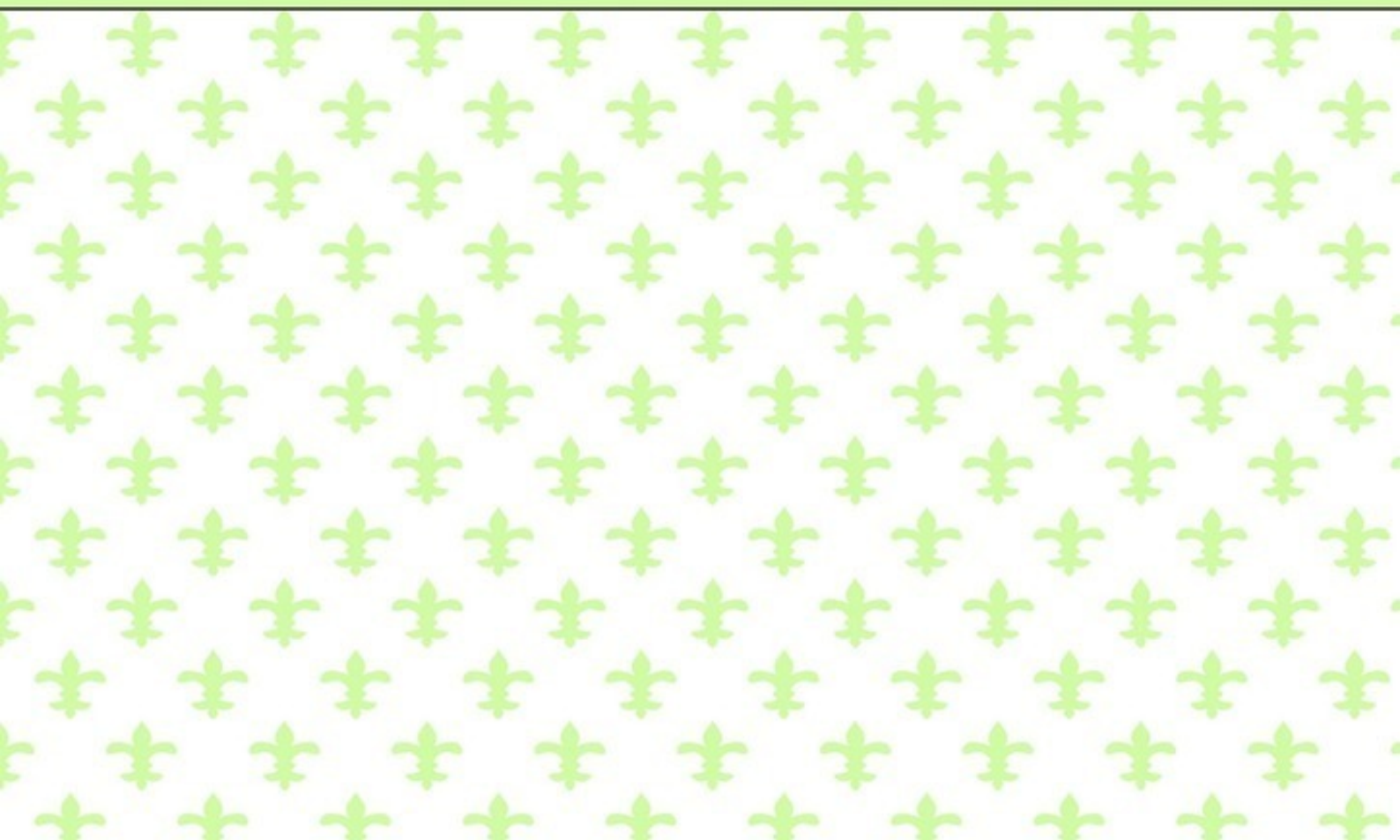

Марина Смирнова

Наследники Старпейс

Проза и стихи

Марина Смирнова

**Наследники Старплейс.
Проза и стихи**

«Издательские решения»

Смирнова М.

Наследники Старплейс. Проза и стихи / М. Смирнова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855253-3

Немного магии... В нашей жизни всегда есть место сказке, старой доброй сказке, хорошему другу и мудрому советчику. В добрый путь!

ISBN 978-5-44-855253-3

© Смирнова М.
© Издательские решения

Содержание

Королева Маб	6
Наследники Старплейс	7
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Наследники Старплейс

Проза и стихи

Марина Смирнова

© Марина Смирнова, 2017

ISBN 978-5-4485-5253-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Королева Маб

Не бойся моей западни —
это доброе место;
избранник мой нежный,
сомненья оставь позади,
тебе я хочу быть
желанной, невестой,
тебе подарю я уроки свои.
В зелёном тумане
расплывчаты звёзды,
их спутать
с моим отраженьем легко,
давай обойдёмся без
телодвижений,
увидишь, как сможем
взлететь высоко.
Не бойся моих
полуночных владений,
здесь только отрада
и смех, и цветы,
ко мне приведи ты
химеры своих сновидений —
увидишь, что вовсе
они не страшны.
Взамен я возьму
лишь дыханье
и сердца горячего,
юного стук...
Куда ты, мой смертный,
вкусивший сиянья,
тебе не уйти
от бестрепетных рук.
Нет жизни без смерти
и страсти — без боли,
сокровища мира
не купят души:
ты сам согласился
на эту неволю,
так что же ты медлишь,
оплату внести поспеши...

июнь 2017 года

Наследники Старплейс

«Всё это плутни Королевы Маб»

Уильям Шекспир

«Ромео и Джульетта»

Перевод Бориса Пастернака

***

Мэб спрыгнула с крылечка – в эти прохладные зелёные дни жившие в Старом Парке кряквы начинали выводить из камышовых зарослей подросших птенцов – в кармане её форменного пиджачка лежала припасённая с завтрака булочка, и она очень надеялась, что сегодня всё достанется уткам, а не чайкам... Вот и Овальный Пруд с каменным причалом; слева под водой виднеется обросшее водорослями кольцо – легендарный основатель той самой школы, где учились Мэб и её старший брат Пибблс, привязывал лодку именно здесь. Абсалон Старплейс очень любил рыбалку и, будучи отменным колдуном, никогда не использовал волшебство, чтобы приманить рыбу. Он считал магию особой частью науки, «долженствовавшей помогать людям, дабы они никогда не теряли бодрости духа и не разучились смеяться и плакать».

Так значилось в его записках, в один прекрасный день изданных и ставших настольной книгой любого уважающего себя мага. Поначалу в Школе Чародейных Искусств занимались его собственные дети – а ведь хохотушка Леланд, она же миссис Старплейс, родила шесть мальчиков и шесть девочек! – однако со временем своих отпрысков стали приводить и местные жители. Кроме Чародейных Искусств, в этой необычной обычной школе были самые обычные предметы – причём их изучали на совесть и в первую очередь. Допуск к урокам волшебства получали только те *особые студенты*, которые смогли добиться значительных успехов и показать на экзаменах определённый – и, надо сказать, весьма высокий – уровень традиционных знаний.

К обладающим особым способностям, а тем паче к собственным детям, Абсалон и другие учителя относились куда требовательней, чем ко всем остальным. Когда особые студенты приступали к изучению Чародейных Искусств, их сверстники слушали лекции – например, по Древнейшей Истории или Астрономии; вплоть до последнего времени крайне популярными были практические курсы «Целебные Травы» и «Кулинария сквозь века». Музыкальную грамоту преподавал Коллум, старший из двенадцати, охотно возившийся с детьми в свободное время; мало помалу он создал настоящий хор – на выступления по праздникам собирались все жители городка, кроме преподобного Мопса и нескольких прихожан; Мэтти, вторая из двенадцати, в шутку называла их «верноподданными». В церковно-приходской школе пастор учил детей читать, считать и писать, и, будучи человеком строгих правил, терпеть не мог шалостей и добивался полного послушания и абсолютной тишины во время уроков.

Волшебник пошёл по другому пути: учителя и студенты были одной семьёй – причём зачастую в самом прямом смысле, ведь почти все так или иначе были в родстве друг с другом. Само собой, в Школе Чародейных Искусств было всё, что полагается – и парты, и тесты, и дневники, и доски с мелом, и задания на дом, и оценки, и экзамены, и прописи, и столовая. И даже просторный двор с настоящим верёвочным городком, ведь детям полезно проводить как можно больше времени на свежем воздухе. Благо располагалась эта обычно-необычная

школа на территории обширного загородного поместья, принадлежавшего некогда богатому и знатному роду Прайсов.

Последний хозяин поместья занимался административными делами Школы, и старый волшебник всегда говорил, что умение разбираться в счетах и общаться с чиновниками – это особый раздел Чародейных Искусств. По субботам Хэйл Прайс неизменно приглашал Абсалона составить партию в бридж и пропустить рюмочку-другую домашней настойки; под конец жизни он составил завещание и передал обширное поместье с парком и прудами в собственность Школы. В городке поговаривали, что толстяк был под заклятием – слухи эти распускали недоброжелатели, вроде «верноподданных» – никто не отрицал, что Абсалон был волшебником и имел весьма экстравагантные взгляды, однако он всю свою жизнь посвятил семье и своему детищу, время от времени выбираясь порыбачить.

Теперь большинство семей в разросшемся городке с гордостью упоминали, что все их предки и они сами посещали Школу Чародейных Искусств, а некоторые даже считали себя магами, ведь в их жилах действительно текла волшебная кровь. Хоть способности, которыми они обладали, и были весьма скромными – так много времени прошло с тех пор. Старушка Джин Гэйлорд, которая настолько гордилась своими предками-кудесниками, что так и не вышла замуж, отвергая всех женихов на том основании, что у них «недостаточно достойное происхождение», умела делать отличную простоквашу. Взглядом. Для этого ей достаточно было пристально взглянуть на молоко! Злые языки утверждали, что волшебство тут ни при чём – всё дело в скверном характере «этой рыжей гордячки».

Так или иначе, приезжих в первую очередь водили к набережной в Старом Парке и в красках рассказывали, что почтенный Старплея был таким великим колдуном, что любил рыбачить, а все центральные улицы названы в честь его двенадцати детей. Конечно, почти все гости городка интересовались волшебной Школой, что крайне раздражало пастора Мопса – Пайса Мопса, потомка того самого преподобного; увы, церковь, великолепно сохранившийся образец средневековой готики, была далеко не так интересна, несмотря на разноцветные витражи и статуи святых. А прихожане раздавали туристам самодельные листовки и уговаривали посетить «настоящую достопримечательность», однако несознательные путешественники поворачивали в сторону бывшего поместья Прайсов.

Однако сегодня в «Пансион Старплея», как теперь называлась Школа Чародейных Искусств, было всего два *особых* ученика; причём волшебству обучался только Пибблс – у ветхого профессора, приглашённого со стороны по специальному предписанию Министерства Образования. Средства на это были собраны сердобольными жителями городка, помнившими, как брат и сестра лишились своих родителей – примерно в то же время, как был уволен предыдущий директор, мистер Валентайн. Он был последним из местных дипломированных волшебников и сам преподавал Чародейные Искусства, однако в ходе официальной проверки, нагрянувшей в том злополучном году аккурат накануне Рождества, выяснилось, что квалификация мистера Валентайна не соответствует новым нормам, установленным Министерством Образования, поэтому он должен быть немедленно уволен.

Более того, столичные чиновники велели немедленно очистить помещения от этих странных белых хлопьев: вдруг залетит кому-нибудь в нос и вызовет насморк? Тут один из проверяющих закашлялся и отошел поближе к окну. Или попадёт в горло и что тогда? Попытки объяснить, что это волшебный снег, фантомный, проще говоря, световая картинка в воздухе, и проникновенная речь о старинной традиции призывать Дух Рождества вызывали бурю пра-

ведного негодования – и если бы хоть один из проверяющих был чародеем, то благородное поместье Прайсов сложилось бы, как карточный домик. Якобы, в Деле «так называемой «Школы Чародейных Искусств», которая переименована – опять же согласно новым нормам Министерства Образования – в «Пансион Старплея», нет и никогда не было каких-либо бумаг, разрешающих каким-либо потусторонним существам присутствовать среди детей.

Новым директором стал некий Джон Джеролд, представительный мужчина в дорогом костюме; надо сказать, многие жители Старплея знали эту фамилию: дед новоиспечённого руководителя учебного заведения был местным ювелиром. Однако сам мистер Джеролд родился, вырос и получил образование в столице, откуда и прибыл в составе этой самой проверки. Надо отдать ему должное – он скромно держался в стороне, и когда самый важный, если судить по размерам живота, чиновник вручил ему «Пансион Старплея», пожал руку несчастному мистеру Валентайну с выражением искреннего сожаления на чисто выбритом лице и пообещал позаботиться обо всём «надлежащим образом».

***

Похоже, Мэб задремала на ласковом весеннем солнышке; предыдущая ночь была беспокойной и душевной – по всем приметам с утра должна была разразиться гроза. Та самая весенняя гроза, после которой сирень распускала свои пушистые соцветия самых нежных оттенков, а на прудах начинали закатывать свои концерты лягушки. Старый Парк был как будто в снегу: гроза безжалостно разрывала на части благоухающие шапки огромных старых черёмух; Мэб жалела, что не знает ни одного заклинания, а ей так хотелось вернуть все эти нежные кипельно-белые лепестки на прежнее место. Она старалась не наступать на них, поэтому ходила медленно и пристально смотрела себе под ноги, из-за чего шныряющие по дорожкам на велосипедах мальчишки дразнили её искательницей зачарованных кладов.

Однако небо было безупречно голубым, а беспечные утята резвились среди кувшинок под строгим наблюдением своих важных матушек – пройдёт совсем немного времени, и трогательный пух превратится в жёсткие блестящие перья. Так что же заставило девушку открыть глаза? Скорее всего, резкие крики чаек: они никак не могли поделить порядком размокшую корку. Очень уж она недолюбливала этих птиц, хотя никогда не могла понять, почему; вот утки – совсем другое дело. А уж лебеди... Лебедей Мэб видела всего лишь раз в жизни – конечно, если не считать картинок в книжках – в зоопарке, куда особо отличившихся по результатам очередных экзаменов учеников привезли на экскурсию. Часы, проведённые в стареньком автобусе с пыльными стёклами и потёртыми кожаными сидениями, стали для девочки настоящим мучением.

Читать она не могла, потому что её сильно укачивало, а подремать не получилось – она сидела рядом с водителем. А он громко болтал с её розовощёкой соседкой, то и дело отпуская шуточки сомнительного качества и взвизгивая от смеха, что совершенно не вязалось с его мускулистыми волосатыми руками, грубыми армейскими ботинками и шевелюрой, похожей на пук пшеничной соломы. Холли Хопс не имела никакого отношения к «Пансион Старплея», но вызвалась сопровождать «наших ангелочков» – «я ведь ужасно люблю детей, так люблю, что так их бы всех и съела». Она работала в галантерейном магазинчике «Пинс энд Нидлс» располагавшемся, как шутили в городке, «на перекрёстке между двумя мирами» – Ред Роуд вела к учебному заведению, а в конце Кристиан Лейн возвышалась церковь. Без участия говорливой продавщицы пуговиц и напёрстков не обходилось ни одно мало-мальски значимое

событие в городке, будь то явление очередного заблудшего туриста или драка двух дворняг за мосол.

Второй сопровождающий, сухопарый и желчный мистер Кроу, молчал всю дорогу и каждые пятнадцать минут совершал обход автобуса, проверяя, не отстегнул ли кто из «этих маленьких пройдох» ремень безопасности. Возвращаясь на заднее сидение, куда рядом с ним специально были усажены самые непоседливые ученики, он каждый раз буквально испепелял взглядом беспечно болтающих Хоппс и водителя; однако эта парочка продолжала трещать себе и взвизгивать, как ни в чём не бывало. Похоже, у черноволосого и носатого заведующего школьной столовой всё-таки были кое-какие магические силы – недаром он, распоряжаясь запасами продовольствия, умудрялся сохранять такую худобу: примерно на середине пути автобус подпрыгнул и остановился, а в салоне запахло какой-то гадостью.

Водитель заглушил мотор и, бормоча себе под нос что-то про «ненормальных из богадельни Старплейс», открыл дверцу – в салон тут же ворвались клубы сизого дыма – и отправился разбираться. За ним бросилась мисс Хоппс и сейчас же начала причитать, заламывая руки; через некоторое время за ней с кислой миной последовал мистер Кроу, скрестив длинные руки на груди. Мэб стало совсем нехорошо, поэтому она осторожно выбралась из автобуса, чтобы подышать свежим воздухом; и увиденное заставило её расхохотаться. Мисс Хоппс в белой пушистой кофте была похожа на мартовского кролика, а закутанный в длинное чёрное пальто мистер Кроу походил на качающееся под ветром огородное пугало – вот только никакое пугало не смогло бы так громко цокать языком; покрасневшее и потное лицо водителя живо напоминало круг чеширского сыра.

Что произошло дальше, никто так и не понял: мотор зарокотал, как будто отвечая на весёлый смех девочки, а капот захлопнулся сам по себе – она тогда ещё испугалась, что крышка может ударить водителя – но автобус почему-то покачнулся, и тот не пострадал. После того, как он сел за руль, девочка обернулась на притихших вдруг провожатых, которые вдруг стали похожи на церковные статуи и смотрели на неё как-то странно. Тогда Мэб подумала, что они просто испугались, хотя сама никакого страха не чувствовала, поэтому улыбнулась, сказала «Всё хорошо!» и забралась в салон автобуса. Там тоже было тихо: другие дети, наблюдавшие за происходящим из окон, молчали – то ли испугались, то ли устали. Оставшаяся часть дороги прошла без приключений, мисс Хоппс предпочла смотреть в окно, а едва не лишившийся головы и рук водитель включил музыку и начал посвистывать в такт – точнее, думал, что посвистывает в такт; мистер Кроу откинулся на спинку сидения и надвинул шляпу себе на глаза.

На обратном пути почти все дети дремали; мисс Хоппс дегустировала фигурный шоколад, приобретённый на выходе из зоопарка – причём сначала она откусывала у «этих сладеньких, миленьких зверушек» головы, а потом отправляла в рот всё остальное; водитель то и дело широко зевал, пытаясь разглядеть дорогу через залитое дождём лобовое стекло. А вот мистера Кроу с ними не было – он задержался в столице, навещая родственников, и вернулся только на следующий день с огромной коробкой. Дождь всё ещё шёл, было ветрено, поэтому Мэб всё свободное время провела у окна; наблюдая, как тщательно мистер Кроу оберегает свою ношу от воды, она решила, что это какие-то важные бумаги.

***

Тем временем чайки поделили добычу и разлетелись; около Мэб осталась только одна белая птица с коричневой головкой. Возможно, конкретно этой чайке так ничего и не досталось – а иначе, зачем подходить к человеку так близко? Девушка растерялась и машинально

опустила руку в кармашек форменного пиджачка, надеясь найти что-нибудь съедобное. Это движение насторожило птицу, однако в кармашке ничего не было, и чайка улетела, не дождав-шись угощения. Вот тут-то Мэб и стало понятно, почему ей так не нравится директор Джеролд, хотя он никого не уволил и почти ничего не поменял – даже заказал новые лампы для библиотеки. Он был чем-то похож на чайку; при ходьбе слегка переваливался и немного наклонялся вперёд, имел довольно объёмный живот, выглядевший, впрочем, более чем уместно за счёт респектабельных костюмов от столичных портных.

Недавно Мэб побывала у него в обновлённом кабинете: директор пригласил её сесть в мягкое кожаное кресло, предложил чашку чая и спросил, не возражает ли она против небольшого тестирования – «касательно наличия *особых способностей*». Немного подумав, Мэб согласилась, и мистер Джеролд вызвал того самого ветхого профессора, который обучал магии её старшего брата. Смысл «вопросов» совершенно ускользнул от неё; она отвечала серьёзно, но никак не могла отделаться от мысли, что пытается поймать на мелководье одну из юрких плотвичек: рыбки так близко, даже чешуйки видны, блестят в солнечном свете – а протянешь руку и зачерпнёшь одну воду.

***

Была ещё одна причина, по которой цветы черёмухи были так дороги Мэб. Несколько раз она видела во сне красивую молодую женщину, сидящую за столом – толстенный том в тёмном переплёте открыт почти посередине – у открытого окна, за которым виднеется цветущий розовый куст. Блузка из белого кружева и длинная серая юбка, кольца и браслеты сияют в солнечном свете, рыжие волосы собраны в пышную причёску, соломенная шляпка украшена веточкой цветущей черёмухи. На обитой лиловой материей стене картина в богатой золочёной раме – два светлых силуэта на тёмном фоне: кажется, женщина и большая птица – Мэб пытается подойти ближе и просыпается. Каждый раз; и это было так досадно, что она старательно хранила увиденное в тайне и даже старшему брату ничего не рассказывала.

Впрочем, Пebbлс вряд ли обратил внимание на рассказ младшей сестры: уж слишком сильно он гордился тем, что станет последним дипломированным волшебником в Старплея. И планы у него, надо сказать, были самые что ни на есть наполеоновские – юноша собирался ехать в столицу сразу после получения диплома и преподавать Чародейные Искусства не где-нибудь, а в Королевском Университете. Ещё он собирался обзавестись уютным двухэтажным таунхаузом с собственным садом, а на входной двери повесить табличку, гласящую «*Sta viator! Здесь проживает могучий Маг, дипломированный Профессор Чародейных Искусств*», непременно из серебра.

Когда Мэб спросила, почему именно серебряную, старший брат посмотрел на неё, как на дурочку и сказал, что серебро – это отличная защита от всяческой нечисти; и добавил, что Мэб, конечно, никак не могла этого знать, потому что до сих пор не приступила к «настоящему обучению». А потом сказал ещё, что он, безусловно, великий волшебник, однако скром и деликатен. Так что в его рабочем кабинете будет только самое необходимое: например, кушетка «для медитаций», обитая шёлком, на львиных лапах, ибо «*Ex ungue – leonem*», и шкаф для старинных фолиантов, непременно из красного дерева с перламутровой инкрустацией и...

Тут Мэб не выдержала и спросила, почему именно из красного, а не эбенового, например? Пebbлс, которого она перебила, видимо, на самом неподходящем месте, поперхнулся и, прокашлявшись, с негодованием заявил, что он не какой-нибудь обшарпанный колдунишка,

обстрипывающий тёмные делишки из-под полы, а самый что ни на есть настоящий Великий Волшебник! Эбеновое дерево же «чёрного цвета, чёрного, Мэб, почему ты так меня не любишь»? Она напомнила, что волосы дочери директора Розалин, которая тоже теперь училась в «Пансион Старплея» – чем была, кстати сказать, страшно недовольна, ведь она всегда хотела получить «приличное современной молодой девушке образование» в знаменитом Колледже Правоведения, где были «такие выпускные балы, что Золушке и не снилось», «а какой же выпускной можно устроить в деревне» – и за которой Пebbлс старательно ухаживал, были как раз чёрного цвета.

– Это же совсем другое дело! – юноша порозовел и продолжил, что такому блестящему молодому учёному, как он, нельзя жить в одиночестве: беспорядок крайне негативно влияет на магическую ауру, а еда на скорую руку затрудняет свободную циркуляцию тонких энергий. Поэтому он обязательно обзаведётся женой – конечно, красивой и непременно с хорошим характером; жаль, не будет возможности обзавестись новеньким автомобилем. Достигнув совершеннолетия, он сможет распорядиться только своей частью наследства; и почему это мистер Валентайн – спасибо ему, конечно – не додумался прописать в бумагах, что он, как старший в семье, может распорядиться и долей младшей сестры тоже: кто может знать лучше, что действительно нужно Мэб?

Девушка попыталась посочувствовать старшему брату: конечно, она была совсем ещё ребёнком, когда погибли родители, но с тех пор прошло тринадцать лет, и кое-что ей стало известно. Например, что когда-то давно мистер Валентайн был влюблён в рыжеволосую Хлою Старплея и был крайне огорчён, когда та решила выйти замуж за одного из своих троюродных кузенов, Бамби Уилсона. Однако сумел со временем утешиться – сначала, как поговаривали горожане, «с головой ушёл в работу», а потом познакомился с Селеной, дочкой местного кондитера, работавшей в крошечном семейном магазинчике «Пламлис Пэйстри». Там до сих пор можно было купить свежайший сорбет из ягод, которые мистер Пламли выращивал лично, на своём собственном огороде; а сделанные им торты были неотъемлемой частью любого местного банкета.

Сейчас в кондитерской заправляла Юнити, одна из сестёр Селены, уехавшей с мужем и двумя детьми в столицу, куда мистер Валентайн был переведён на должность преподавателя истории в одном из колледжей. По словам бывших коллег он опасался, что после такого грандиозного скандала жизнь его потеряет всяческий смысл, ведь он даже представить не мог себя вне школьных стен. Гибель его друзей, особенно Хлои, была страшным ударом, но по странному стечению обстоятельств именно это печальное обстоятельство помогло ему продержаться несколько месяцев до нового назначения. Он организовал траурную церемонию и на свои деньги вызвал из столицы нотариуса, чтобы уладить вопрос о наследстве Пebbлса и Мэб; более того, он собрал жителей городка и убедил их подписать петицию к новому директору с просьбой перевести осиротевших детей на полное обеспечение вплоть до конца обучения.

Дом, в котором жила семья Старплея, не принадлежал им; нуждавшиеся в деньгах хозяева продали его, как только из Министерства Образования был получен положительный ответ на запрос, сделанный мистером Джеролдом, который присоединился к большинству. К вящему недовольству очередного пастора Мопса, надеявшегося, что в городке наконец-то не будет никаких волшебников – у Пebbлса и Мэб не было родственников в Старплея. Детям разрешили забрать «ценные и памятные» вещи; помогали им, конечно, украдкой утиравший слёзы мистер Валентайн и мисс Хоппс, без умолку жалевшая «бедных сироток». Итак, брат и сестра

жили в «Пансион Старплейс» на полном обеспечении, а их официальным опекуном считался директор – теперь мистер Джеролд.

Что стало с оранжереей около бывшего дома Старплейсов, так никто и не понял; она просто-напросто исчезла, а на её месте обнаружилась ровная зелёная лужайка. Новые владельцы, мистер и миссис Фишер, приняли её за обычный газон, и, поскольку они точно не были волшебниками, никто из жителей городка так ничего им и не сказал. Нанятая четой Фишер бригада ремонтников быстро обновила дом, превратив чердак в мансарду, в которой – по словам всё той же мисс Хоппс – миссис Фишер развернула настоящую швейную мастерскую: она занималась квилтингом и пэчворком, продавая свои изделия через Интернет. Так что сначала с ней познакомились в магазинчике «Пинс энд Нидлс» и в местном отделении почты, где она отправляла посылки покупателям.

Что касается мистера Фишера, то он каждую неделю уезжал в понедельник утром и возвращался в среду к ужину, в четверг и пятницу играл в мини-гольф на лужайке или читал в тени шезлонга – и весьма неохотно отрывался от этих занятий, чтобы кивнуть в ответ на чьё-нибудь приветствие; по субботам Фишеры, нагрузив машину продуктами, уезжали «на пикник», возвращаясь к обеду на следующий день. Первое время горожане пытались приглашать их в гости, но из этого ничего не вышло: Фишеры каждый раз вежливо отклоняли приглашения под разными благовидными предложениями. Они предпочитали общество директора «Пансион Старплейс» и его дальних родственников, живших в старинном доме окнами на Ярмарочную Площадь; иногда мистер Фишер ходил в церковь – его замечали за любезной беседой с пастором и прихожанами.

Письма, отправленные по адресам с конвертов, найденных всё тем же мистером Валентайном в одном из ящиков письменного стола Бамби, сочинявшего отличные детективы под псевдонимом «Сумеречный Старплейс», вернулись обратно со штампом «Адресат неизвестен» – уже после того, как тот уехал в столицу на новое место работы. Хлоя, похоже, писем не писала; почти всё время она проводила в оранжерее, выращивая розы, и будучи волшебницей, создавала удивительные цветы самых неожиданных расцветок, да ещё и с разными запахами. Этому, да ещё кулинарным и косметическим рецептам, были посвящены все её записки и рисунки, найденные в толстой тетради с зелёной обложкой. Кстати, весь архив мистер Валентайн передал в банк «Фишер энд Фишер», где и был открыт счет на фамилию «Старплейс»: накопившейся к совершеннолетию суммы должно было хватить Пebbлсу и Мэб на первое время.

Те несколько лет клумбы в городке были сказочно прекрасны. На Квин-стрит в гипсовых вазах росли оранжевые дынные розы, на Ярмарочной Площади у фонтана золотились медовые бутоны; Ред Роуд хвасталась живыми изгородями из кустов с плоскими розочками, полыхавших оттенками красного от алого до фуксии и распространявших восхитительный аромат запечённых с корицей яблок; на центральных улицах росли розаны, окрашенные в чистые и глубокие тона фиолетового, любимого цвета Абсалона. «Лесная орхидея», «лесная фиалка», аметистовые, темно-лиловые, «садовая фиалка», лиловые, «ирис», сливовые, свекольные и, наконец, «примула» – с тёплым ванильным ароматом, который так любила его супруга. Были ещё зелёные розы со светящейся в темноте пылью, запах которых имел свойство усиливаться после заката, и несколько пёстрых сортов со сладким карамельным запахом.

Несмотря на многочисленные просьбы соседей, Хлоя никогда не выращивала ни белых, ни чёрных цветов – понятное дело, что стараниями очередного пастора Мопса и его «верно-

поданных» у готической церкви росли именно белые кустовые розы. Теперь от этого чуда не осталось ничего, кроме воспоминаний, фотографий и нескольких акварелей того же мистера Валентайна, в юности мечтавшего стать художником. Эти рисунки украшали директорский кабинет, но мистер Джеролд передал их в библиотеку «Пансион Старплея», развесив по стенам почётные грамоты и благодарственные письма из Министерства Образования.

***

Когда Мэб исполнилось пятнадцать лет, библиотекарь подарила ей акварели мистера Валентайна; теперь они висели над кроватью и были едва ли не единственным, что принадлежало лично ей. Семейный альбом – в зелёном бархатном переплёте с серебряной застёжкой в форме стрекозы – хранился у Пebbлса. Он был всё время ужасно занят, поэтому Мэб не так часто, как хотелось бы, удавалось фотографии. Несколько раз она просила брата оставить альбом ей, и Пebbлс обещал, но каждый раз почему-то забывал о данном слове. Мэб опасалась, что старший брат заберёт альбом с собой, когда поедет «покорять столицу» – он не раз повторял, что происхождение и преемственность традиций крайне важны в практике Чародейных Искусств.

В «Пансион Старплея» работал садовник, высокий и сухощавый Говард Грин, который любовно ухаживал за деревьями, ревностно подстригал газоны и выращивал сезонную зелень для столовой, повторяя всем и каждому, как полезны детям «витамины с грядки». Мэб нравилось возиться в земле, и это никого не удивляло, разве что Розалин Джеролд, которая никак не могла понять, зачем это молодой девушке пачкать руки и торчать на солнцепёке. Это была ещё одна традиция, заложенная Абсаломом: он считал и не уставал повторять, что выращенный своими руками самый простенький полевой цветочек – это и есть самое настоящее волшебство.

Что уж говорить о баночке джема с этикеткой, где ты, высовывая кончик языка от усердия и проговаривая буквы вслух, старательно напишешь «К-л-у-б-н-и-к-а», и говорить нечего. Конечно, при условии, что ты самостоятельно соберёшь ягоды и принесёшь их на кухню, где царит миссис Миллер в необъятном колпаке и хрустящем белом переднике. Она, наверное, тоже была волшебницей: иначе как бы ей удавалось готовить завтраки, ланчи, обеды и ужины для всех, да ещё и подавать традиционный пятичасовой чай в кабинет директора, на который мистер Джеролд имел обыкновение приглашать членов своей семьи, или кого-нибудь из преподавателей, или пастора Мопса.

Повариха попросит тебя немного подождать; ты поставишь корзинку на табурет около раковины и заберёшься на другой, поближе к миссис Миллер: она посмотрит тебя и, само собой, отправит «приводить себя в порядок». Ты вымоешь лицо и руки яичным мылом, вытрешься «вон тем, да, с синими цветочками» и, обернувшись, увидишь на столе чашку горячего чая и лимонные бисквиты – а, может быть, кусочек кекса с цукатами или порцию рисового пудинга. Ты улыбнёшься и поблаговаришь миссис Миллер, а она вздохнёт и займётся твоей добычей: ловко переберёт и промоет ягоды и поставит на плиту подходящий по размеру медный ковшик с длинной ручкой, а потом велит тебе прийти завтра после обеда. Ты придёшь, скажешь спасибо и получишь заветную баночку с блестящей металлической крышкой...

Пузатая баночка – вместо джема в ней обитали ручки и карандаши – стояла на письменном столе Мэб. Клубничный джем был съеден на чаепитии, устроенном в честь её пятнадцатилетия, куда пришли все немногочисленные друзья. В тот прекрасный июльский вечер за боль-

шим столом на террасе собралась весьма пёстрая компания: виновница торжества в новеньком синем платье, увлечённый фолиантом «Астральное тело» Пибблс, подаривший сестре дневник «для личных записей», добрейшая миссис Миллер, ради такого случая доставшая из буфета знаменитый фарфор с драконами и фениксами и серебряные ложечки, Юнити Пламли, вручившая «юной леди» именинный пирог с вишнями.

И садовник Говард Грин, расчесавший по такому поводу свою густую бороду, который преподнёс ей, пожалуй, самый лучший в жизни подарок. Среди студентов, которые частенько дразнили её ведьмой, у Мэб не было друзей, только приятели из числа одноклассников, но к этому времени они уже разъехались на каникулы кто куда. Кстати, Пибблса задевать всё же не решались, ведь он учился Чародейным Искусствам. Розалин Джеролд, первая красавица «Пансион Старплея», позволяла развлекать себя «фокусами» – а раскрасневшийся Пибблс отвечал высокопарными сентенциями вроде «Красота – вот истинная магия!»; он полагал, что именно так и полагается делать комплименты девушкам.

***

Утром в тот памятный день рождения Мэб встала пораньше и пошла кормить уток – как раз накануне Пибблс решил выбросить пакетик с просроченными сухариками, однако она упростила старшего брата отдать ей «этот мусор». Учитывая, что с даты, указанной напротив надписи «Годен до», прошло всего-то два дня, за здоровье уток можно было не опасаться. Около Овального Пруда она встретила мистера Грина, в чём, по большому счёту не было ничего необычного, поскольку старый садовник старался по мере сил и возможностей приглядывать за легендарным водоёмом. Он подновлял пристань, чистил бронзовое кольцо и раз в год брал напрокат плоскодонку, чтобы собрать со дна накопившиеся водоросли – из них получалось отличное удобрение для огорода.

Удивил её таинственный вид, с которым садовник предложил ей прогуляться к огромным старым вязам, окружавшим заросшую голубыми колокольчиками лужайку – чудесное место в глубине Старого Парка, где всегда было тихо и тепло. Шагая по песчаной дорожке, Мэб то и дело посматривала на мистера Грина – он долго мял в мозолистых руках порыжелую шляпу, как будто набирался храбрости; и только когда они свернули за вязовое кольцо, старик сказал, что она стала достаточно взрослой для того, чтобы узнать нечто, имеющее самое непосредственное отношение к миссис Старплея. От неожиданности Мэб запнулась и чуть не упала – она поняла, что разговор идёт о её покойной матери, и удивлённо уставилась на него.

Мистер Грин достал из кармана огромный носовой платок – синий в красный горошек – и вытер лоб, а потом признался, что ему удалось спасти «малую толику тех самых чудесных роз». Конечно, не обладая способностями к волшебству или хотя бы, записями Хлои, он не смог вырастить достаточное количество – как и сохранить «исходные качества». – Размер, цвет и запах. Сейчас они очень похожи на самые обычные розы... Ты знаешь, что в нашем городке больше нет этих цветов? Нет? Видишь ли, они всё завяли в тот самый день... Сейчас ты сама всё увидишь – добавил он. Незаметный на первый взгляд проход в колючих и пёстрых кустах барбариса привёл их на полянку, где стояла оранжерея – очень похожая на оранжерею, которую Мэб видела на одной из фотографий в семейном альбоме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.